

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2007 г.

Р.В. Сундуков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

r.sundukov@mail.ru

Поступила в редакцию 16.03.2007

Раскрывается понятие глобализации в ее взаимосвязи с проблемами культурной политики, с противоположными тенденциями де-регулирования и ре-регулирования современной культуры. Рассматриваются теории культурного регулирования, основанные на экономической регуляции, дискурсивных практиках, феноменах культурной идентичности и репрезентации. Противоположные оценки процессов ре-регулирования культурной жизни связываются с напряжением, возникающим между традицией и предпринимательством. Внутренняя противоречивость дискурса глобализации раскрывается с точки зрения концепции «культурного империализма», взаимосвязи дискурсов культурного империализма и глобализации. Отмечая неэффективность проекта мультикультурализма и перспективы культурной регуляции (протекционизма) со стороны государств, автор настаивает на принципиальном значении гетерогенных культурных инноваций в развитии будущего общества.

Идея глобализации и дискуссии вокруг неё оказались в центре критики современной культуры. Подчеркивая соотношения между экономическими и культурными аспектами глобализации, исследователи процесса трансформации индустриальной культуры в новое качественное состояние выявляют антиномии в области культурной политики, связанные с регулированием культуры со стороны государства и с культурной идентичностью. Глобализация производства, распределения и рынков, по словам М. Кастельса, стала возможной только в конце XX века благодаря глубоким переменам транспортных и коммуникационных технологий в отношении информации, людей, товаров и услуг. У. Бек в своей книге о пути к другому модерну [1, с. 43] называет глобализацию имманентной тенденцией модернизационных рисков, так как вместе с промышленным производством идет процесс универсализации угроз, вне зависимости от того, где эти угрозы возникают. С глобализацией рисков связан своеобразный «эффект бумеранга» – риски настигают тех, кто их производит или извлекает из них выгоду. Глобализация – это комплексный, противоречивый процесс, который может быть описан не столько в терминах сети взаимосвязей или соединений, устанавливаемой на любых уровнях общества, сколько в терминах осложнений и неуверенности культурной политики, которую эта сеть нам предлагает. Другой важный момент, по мнению К. Робинса [18], состоит в том, что глобализация выступает чем-то обыкновённым. Последствиями глобализации

оказываются вещи, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни – в магазине, перед телевизором и т.д. Культурный «переживаемый опыт» глобализации может быть воспринят как трансформация, в том смысле, что переживаемые нами в повседневной частной жизни события и обстоятельства все более определяются независимыми от нас силами, которые проникают в нас самих.

Один из способов описания этого процесса носит непривычное для русского языка название «детерриториализация», которую мексиканский социолог Н.Г. Канклин определяет как «потерю “естественного” отношения культуры к географической и социальной территории» [6, с. 229]. Идея детерриториализации заключается в том, что мы больше не в состоянии проживать свою жизнь «локально». Наш культурный опыт постоянно пронизывают внешние влияния – пища, которую мы едим; музыка, которую мы слушаем; телевизионные картинки различных ландшафтов, образов и событий, к которым мы привыкаем, сидя у телевизора; возможность говорить по телефону или с помощью онлайн-связи с людьми, находящимися в другой части света. Все это делает нашу обыденную жизнь «более открытой миру в целом». Как говорит Э. Гидденс, глобализация означает, что «сама специфика пространственного опыта, учитывающая разнообразие и дистанцированность путей сообщения, не имеет параллелей в прошлом» [11, с. 140]. Определяя глобализацию как усиление взаимозависимости мирового

сообщества, Гидденс делает существенное уточнение: «Было бы ошибкой думать о глобализации только как о процессе роста мирового единства. Глобализацию социальных связей прежде всего следует понимать как преобразование пространства и времени современного существования. Другими словами, наша жизнь все в большей степени испытывает на себе влияние действий и событий, происходящих достаточно далеко от той социальной реальности, в которой протекает наша повседневная деятельность» [2, с. 483 и сл.]. К отмеченной Гидденсом фрагментарной и неравномерной природе процессов развития этого взаимодействия различных стран (в т.ч. и стран «третьего мира») следует, по-видимому, добавить еще одно важное обстоятельство в свете современных симптоматичных событий в мире. Глобализация принесла с собой не только дистанцированное воздействие технологических и культурных инноваций на повседневную жизнь географически разъединенных и локализованных людских сообществ. Последствием глобализации можно объяснить изменение положения обыкновенного человека в любой точке мира, которое прежде выглядело защищенным и гарантированным цивилизацией. Человек становится доступным для непосредственного манипуляторского воздействия на него, в т.ч. насильственного, угрожающего его существованию. Современное положение человека нельзя свести лишь к успешному участию в коммуникации, предполагающему в качестве цели перетолкование любой смысловой позиции и приспособление ее к информационным потребностям. «Односторонняя» открытость обычного человека миру, сохраняющая незыблемой дистанцию приватности и анонимности, оборачивается реальной вовлеченностью каждого человека в решение проблем мирового общежития. Становится все более очевидной иллюзия непреодолимости дистанции между людьми, закрепленной в культурных кодах, которая унаследована нами от индустриальной культуры мегаполисов, массовой коммуникации и транснациональных связей. Доведенный до своего завершения процесс дифференциации символических структур, нормативных установок, институтов, социального действия и социальной структуры общества, высвобождающий человека из целого ряда социальных ограничений и культурных шаблонов, дающий ему неуязвимую позицию

стороннего наблюдателя, приводит к совершенно новому уровню социальной и культурной интеграции индивидов. Если ранее обсуждение ограничивалось противопоставлением глобального взаимопроникновения культур и остаточных форм культурной гегемонии тех или иных социальных слоев и институциональных норм, закрепленных в национальных культурных традициях различных стран, то теперь открывается невозможность разрешения «конфликта культур» средствами одной лишь культурной терпимости и поддержки всего культурно-своеобразного.

Преобладающие оценки экономических и политических тенденций в последние десятилетия прошлого века, казалось бы, надолго определили современность как время глобализации и дерегулирования культуры. При условии глобализации рынка это означало, что национальные экономики становились открытыми для интернациональной конкуренции и поэтому переживали взлет неолиберализма и выдвижение идеологии «предпринимательства в культуре» (enterprise culture) [17]. В то же время глобализация коммуникаций и потребительской культуры и увеличение межнациональных поездок и миграций означало, что национальные государства становятся более плюралистичными в социальном отношении и мультикультуральными. Не удивительно, что эти изменения вызвали противодействие со стороны тенденций регулирования и дерегулирования культуры [22, с. 10–51], направленных на то, чтобы сохранить или возродить социальные устои нации и культурное наследие.

А. Грамши в своих тюремных записях с 1929-го по 1935 г. приспособил идеи Маркса о способе производства как факторе культурного регулирования для того, чтобы вызвать развитие теорий регулирования, сфокусированное на сложных и взаимных отношениях экономического производства и культуры потребления. В статье «Американизм и фордизм» Грамши поддерживает мнение, что система конвейерного массового производства и стратегии высокой оплаты труда переводились в общее изменение культуры и потребления рабочего класса, вовлекая моральную регуляцию в такие далекие от интересов капитала и от рабочего места занятия, как потребление алкоголя или секс.

Теория экономической регуляции, получившая развитие в конце 70-х годов и в 80-

е годы, берет на вооружение аргумент Грамши «фордизм – это американский образ жизни», утверждая, что каждая форма капиталистического производства требует комплементарной формы потребления. Взятые вместе формы производства и потребления образуют режим накопления. Поддержание этого режима необходимо нуждается в наборе неэкономических (т.е. культурных) институтов – таких как школы, СМИ, система благосостояния, – которые получили название способа регулирования. Для теоретиков регулирования совершенствующийся капитализм предполагает вмешательство государства для управления агрегированным спросом (т.е. поддержания экономического порядка) и создает адекватную моральную и политическую структуру, закладывающую основы морального и политического порядка. П. Корриган и Д. Зэйер [7] попытались сформулировать теорию регулирования в социальной истории морального поведения и государственного строя. Они доказывали, что моральное регулирование берется за «нормализацию» исторически и социально специфических норм поведения в качестве универсальных. Там, где моральное регулирование успешно, люди принимают определенные формы идентичности, практики и объединения в качестве «естественных» и «неизбежных» и отрицают другие формы как «девиантные» или «невозможные». Так, всякий режим накопления обладает соответствующими ему формами культуры. В качестве примера попытки государства оказать «цивилизующее влияние» на низшие классы приводится движение «рационального отдыха» в Британии и США XIX столетия. Хотя роль самодеятельных организаций весьма заметна, теории регулирования определяют государство как центральный регулирующий механизм – кодифицирующий программы, развиваемые посредством добровольных инициатив, и конструирующий или узаконивающий нормы.

М. Фуко говорит о схожих процессах, когда отмечает присущее индустриальной культуре движение от внешнего принуждения к самодисциплине. «Моральный и социальный порядок модерности скреплен посредством нашего «добровольного» удержания себя морально и социально в рамках порядка» [19, с. 44]. Индустриальная революция, урбанизация и угроза социальных беспорядков, по-видимому, стимулировали возрастающее регулирование досуговой деятельности с начала XIX века в Западной Европе. В некотором смысле эти

изменения могут быть рассмотрены как просто подчеркивание долговременных тенденций, охарактеризованных М. Вебером как типичные для современного общества, – растущей рационализации и бюрократизации социальной жизни во всех сферах. В отличие от Вебера, который уделял особое внимание формальным аспектам рациональности и институтам, у Фуко дифференциация выступает тем, что имеет отношение к широкому диапазону дискурсов и дискурсивных практик. М. Фуко сосредоточил внимание скорее на дискурсах, чем на идеологии. В то время как французский теоретик структуралистского марксизма Л. Альтюссер подчеркивал способы, с помощью которых индивидуумы становятся субъектами дискурсов в воображаемом представлении, искажающем реальные условия их существования [3, с. 162], Фуко отказывается приравнивать дискурсы к идеологическим явлениям [12]. Фуко не отличает знание от идеологии, доказывая, что истинное определяется тем или иным конкретным дискурсом, таким как здоровье и болезнь, сумасшествие и нормальная психика, сексуальность, правосудие и наказание. Механизмы образования этих дискурсов – важнейшая тема в изучении современных дискурсов о «де-регуляции» и «потребительском» выборе в медиаиндустрии. Тем не менее, в отличие от Альтюссера и Грамши, Фуко не предлагает никаких теорий всеобъемлющего единства социальной структуры или того, почему одна группа более, чем другая, находится в позиции навязывания своей истины. Рассматривая, как складывался добровольный контракт, Фуко описал т.н. «карцерные сети» власти в обществе.

«Под этим он подразумевал сети контроля, которые одновременно уполномочивали и регулировали поведение. В социологии Фуко идея сетей карцеров неотделима от идеи индивидуальности. Формы речи, письма, признанных идей и законов, формы дискурса, ассоциированные с сетями карцеров, являются также формами, в которых мы познаем индивидуума как отдельного субъекта, обладающего специфическими потребностями и правами» [19, с. 60].

Следуя Фуко, нужно выделить три типа власти: институциональную власть, осуществляющуюся посредством правил и регулирования; экономическую власть, заключенную в классовой системе; и субъективную власть, с помощью которой индивидуум противодействует дискурсам,

организованным вокруг него. В целом, он утверждает, что направление развития в современности пролегает от первых двух типов власти к распространяющемуся все более и более третьему типу – от внешней регуляции и внешней дисциплины к саморегуляции и самодисциплине. Теорию Фуко отличает не только рассмотрение досуга и культурной деятельности как «сферы свободы» и «аутентичности». Он пытается выявить то, каким образом дискурсы и практики в современном обществе создают у нас чувство естественной и здоровой самости. Что побуждает современного человека постоянно беспокоиться о том, чтобы с умом потратить свое свободное время, обладать здоровым и привлекательным телом и участвовать в создании новой деятельности или улучшать деятельность без прямого обращения к каким-то внешним авторитетам? Распространение оздоровительных и фитнес-центров и интерес к диетическому и здоровому питанию дают прекрасные примеры этого. Вместе с тем Фуко не рассматривает власть в «предупредительных» терминах, в отличие от многих теоретиков; он представляет карцерные сети как «продуктивное», как источник одновременно регуляции и доверия – они мотивируют наши действия в определенных направлениях, о которых судят как о естественных и здоровых и в силу этого желательных. Например, т.н. ценности викторианской эпохи, которые М. Тэтчер стремилась воскресить в Британии 80-х годов, точно соприкасались с развитием здорового, предприимчивого духа личности, – который исполнен стремлением «усиленно работать и жестко вести себя», – поддерживая индивидуумов брать на себя ответственность за самих себя [9].

За пределами теории Фуко оказывается задача концептуализации взаимоотношения дискурсов и возможной формы идеологического целого. Например, в случае идеологии, соотносимой в Британии с «тетчеризмом» или, более широко, новой правой идеологии в США и других странах, сочетающей нелиберальные экономические доктрины с консервативными социальными и культурными ценностями. В то время как Фуко замещает единство различием, утверждая, что ничто и никогда не соответствует чему-либо ещё, Л. Альтюссер подчеркивает необходимость рассмотрения того, как различия существуют в сложном единстве. Слово «артикуляция» становится ключевым понятием

в понимании, каким образом взаимодействуют различные уровни практики или различные дискурсы. Так, С. Холл отмечает: «Функция государства состоит, в частности, именно в том, чтобы сводить воедино или артикулировать в сложно структурированном случае диапазон политических дискурсов и социальных практик, которые имеют касательство с разных сторон к осуществлению и трансформации власти... например, жизнь семьи, гражданское общество, тендерные и экономические отношения» [13, с. 90]. Политика задействует артикуляцию дискурсов в создании таких видов идеологического влияния, как приносящая выгоду поддержка и одобрение определенных идей и практик, которые укрепляют властные отношения.

Современные теории идентичности и репрезентации могут служить коррективами понимания культурной традиции как прямого отражения экономических интересов и классового доминирования: «Социологический взгляд на наследие, который учитывает гибридизацию современной социальной идентичности, смешивая то, что прежде сохранялось за каждым классом, – или марксистский взгляд на диалектическое отношение между представлением и реальностью... может оказаться даже более действенным, чем экономический взгляд, в объяснении современного признания противоположных стереотипов» [20]. Р. Самуэль доказывает, что популярность наследия традиции свидетельствует не столько о сопротивлении старым классовым ценностям, сколько о бегстве от классовой идентичности в сторону более плюралистичной и гибридизированной идентичности. Социокультурное поведение различных социальных групп, связанное с «показным потреблением», имитацией стиля жизни более высокой социальной группы, может быть понято как стремление к такого рода самоидентификации [5; 6]. Такое использование «символического капитала» может быть осмыслено «в контексте взаимообмена привилегиями ради всеобщей выгоды» и тем самым тяготеет к таким типам экономической организации, как «взаимообмен» и «перераспределение» [4].

Водоразделом в понимании регулирования современной культуры выступают различные оценки его как тенденций, противоположных прямому регулированию, либо феноменов новых форм и способов регулирования. Одни утверждают сдвиг к дерегулированию культуры

в направлении расширяющейся обособленности индивидуумов и их выбора под давлением изменений, которые несли с собой глобализация и плюрализация. Этот же процесс может рассматриваться как задача ререгуляции, сдвиг в идеологическом балансе от понятий национальных общественных интересов к тем, что основываются на дискурсах людей как потребителей и публики как рынка потребления. С точки зрения других, ререгуляция является попыткой восстановить традиционные культурные стандарты в эпоху коммерциализированных и превращенных в спектакль СМИ, способом попробовать разрешить напряжение между наследием и предпринимательством. Последние события в мире показывают, как быстро устаревают проекты мультикультуральности в том виде, в каком приоритет отдавался простому стимулированию хоть чем-то отличающихся от других культурных явлений. За впечатляющим ростом обособленности и различий потерялось из виду структурированное неравенство социальной жизни, в которое встроены эти различия.

О внутренней противоречивости решения проблемы регулирования культуры в мультикультуральном обществе говорит критическое противостояние идее глобализации со стороны идеи т.н. «культурного империализма». Критика глобализации не представляет собой какую-то единую позицию. Идеи «культурного империализма» ассоциируются с такими темами, как «американизация», «вестернизация» и «культурная гомогенизация», которые выступают удобными, уже готовыми и соблазнительно простыми способами осмысления процессов глобализации. Помимо прочего, культурный империализм – это критический дискурс в отношении глобализации и может быть понят различным образом в зависимости от того, является ли он дискурсом, структурированным вокруг широкой темы регуляции или де-регуляции культуры.

Когда берутся описывать культурный империализм, обычно используют последовательность концептуальных шагов, которые выстраивают сложную целостность глобальных культурных течений, взаимосвязей и изменений как различных стратегий регуляции и де-регуляции. Для некоторых критиков культурного империализма предполагаемое доминирование и мировое распространение стандартизированной и «гомогенизированной» потребительской

культуры, порожденной западным капитализмом, представляют собой форму глобальной культурной регуляции. К. Негус, описывая критическую позицию, которую выразила ЮНЕСКО в своем заявлении 1982 г. по поводу глобальной «культурной индустрии», справедливо сближала эту точку зрения с утверждением теоретиков Франкфуртской школы Т.В. Адорно и М. Хоркхаймера об обнищании культуры как результата стандартизации транснационального капиталистического рынка [16, с. 77–79]. Для критиков культурного империализма возрастающий поток культурных благ как наиболее заметная черта (одновременно экономическая и культурная) глобализации понимается прежде всего как процесс культурного внедрения, доминирования и регуляции. Противоположную точку зрения высказывают те социологи, которые считают, что в этом потоке можно увидеть добротный продукт «де-регуляции» интернационального рынка культуры. «Де-регуляция» для сторонников первого подхода оказывается пустым выражением. Утверждая на словах свободу культурного выбора и практики, на деле оно обозначает собой процесс прояснения способа, каким осуществляется неумолимое продвижение «одномерного» капитализма поверх национальных барьеров.

Теорию культурного империализма можно рассматривать как раннюю теорию культурной глобализации. Джонатан Фридман утверждал, что дискурс культурного империализма предрасположен к первоначальному критическому восприятию глобализации в сфере культуры, придавая этому процессу вид «определенного аспекта иерархической природы империализма, который связан с расширяющейся гегемонией отдельных центральных культур, с распространением американских ценностей, потребительских благ и жизненных стилей» [10, с. 195]. Тезис культурного империализма заключается в следующем: сущностно доминирующие культуры угрожают подчинить себе другие, в большей степени уязвимые культуры. В своем грубом применении это утверждение глобализации подразумевается в ходячих выражениях культурного доминирования Америки над Европой, «Запада над всем остальным миром», центра над периферией, капитализма перед лицом каждого человека. Тезис культурного империализма является критической позицией, которая была «уже

создана» для процессов глобализации (см. подробнее [15]).

То, что один дискурс невольно вызывает другой, можно увидеть и в историческом контексте [23], проследив два важных направления развития процессов глобализации. Начало одному из них было положено в первые десятилетия XX века с восприятия отрицательных последствий американского экспорта в Европу. Причины такого эффекта были сложными, имевшими отношение к различным – как проамериканским, так и антиамериканским – позициям в европейских странах. Присутствию американской культуры в Европе способствовали американские солдаты, участвовавшие во Второй мировой войне. Интересный факт приводит Томпсон, упоминая мнение архиепископа из Толедо (Испания), высказанное им на соборе 1946 г.: «Как мы должны относиться к растущей деморализации женщин, вызванной в основном американскими обычаями, привнесенными кинематографом и делающими молодых женщин свободными от необходимости создавать семью, приучающими к мысли о разрушении семьи и дискредитирующими будущий брак и материнство?» Из этого высказывания следует, что страх перед американизацией был комплексным культурным явлением, объединявшим все формы культурных опасений от самых левых до самых правых.

Вторым направлением развития глобализации была история взаимоотношений между развитыми странами и странами «третьего» мира, ставшая предметом особого обсуждения в конце 60-х и в 70-е годы и связанная с деятельностью ЮНЕСКО. Критику информационного дисбаланса между развитыми и развивающимися странами, контроля со стороны Запада над СМИ продолжили восточные и латиноамериканские социологи культуры. Так, в 1971 г. в Чили была опубликована книга Э. Дорфмана и А. Маттельарта «Как следует читать Дональда Дака: идеология империализма в диснеевских комиксах». По мнению авторов, диснеевские мультфильмы, широко распространенные в «третьем» мире, не только выступают карикатурой на эти страны, но также содержат в себе идеологическое сообщение: «недоразвитые люди получают комиксы из вторых рук, и они служат им пособием для жизни...» [8, с. 98].

Культурный империализм в отношении различных по уровню своего развития стран

оказывается наиболее живучим. Он выступает угрозой национальной культурной идентичности, нуждающейся в особой идее «защиты» её от внешних влияний. Примером «культурного протекционизма» может служить запрет импорта и использования спутниковых «тарелок» и записывающих устройств в Саудовской Аравии с 1995 г. и схожие меры, предпринятые в Египте и Иране. Противоречивый характер этой политики подчеркивает тот факт, что сами государства не отказывают себе в использовании спутниковых технологий, пытаясь развивать собственные средства связи. Так, в Малайзии запрет параболических антенн 1988 г. был отменен в 1995-м в силу того, что правительство Малайзии стало обладать собственной технологией такого рода. С точки зрения Томлинсона, проблема представительства национальных культур, т.е. того, кто собственно репрезентирует национальное «мы», оказывается в центре политики культурного империализма и протекционизма. Тем не менее вряд ли можно свести эти проблемы просто к отчаянным попыткам ограничить культурные права людей со стороны «фундаменталистских» авторитарных государств. На деле ситуация более сложная, очевидно, что технология глобализации – от спутников до Интернета – оказывается тем, на что рассчитывают одновременно и в экономическом и в культурном смысле все национальные государства.

В глобализации часто видят западный проект, центральное место в котором занимает капитализм: «Глобализация фактически есть распространяющаяся глобализация капитализма» [14, с. 280]. С этой точки зрения глобальный капитализм важен не только тем, что в силу своего экономического могущества он может создать определенный уровень материального благосостояния для каждого человека на планете, но также и тем, что он изменяет нашу культурную идентичность, – какими бы индивидуальными и маргинальными ни были позиции людей, все они вовлечены в единую капиталистическую культуру (см. критику этого взгляда у Г. Шиллера в [21]). Но в глобализации присутствует и собственно глобальный проект, в котором «вестернизация» противостоит «гомогенизация» мира и децетрирование капитализма, перемещающегося с Запада во всемирную сеть взаимосвязей. Э. Гидденс считает, что «глобализация – это более чем

распространение западных институтов в мире, сокрушающее иные культуры... Мы говорим о появлении других форм мировой взаимозависимости, о планетарном сознании [и] способах... привлечения концепций и стратегий, проистекающих из незападных установок» [11, с. 173]. Подлинная глобализация поэтому возможна лишь в случае задействования независимых установок.

Важнейшая социальная проблема, которая встает здесь перед различными культурами, заключается в том, чтобы ситуация глобализации обнаружила свои, пока еще не задействованные возможности инициирования таких гетерогенных культурных инноваций. Выстраивание единого режима благоприятствования для творческих усилий социально и культурно равнообеспеченных сообществ, коллективов и индивидуумов – задача ближайшего будущего человечества. Существующая до сих пор политика глобализации явно не справляется с этой задачей, напротив, практика культурного империализма даже там, где она направлена на поддержку туземных (например, афроазиатских) культур, оборачивается феноменом культурной гибридности, т.е. «потерей» культурной чистоты. Получая поддержку, культуры, тем не менее, оказываются не в состоянии сами развивать свои собственные установки. Кроме того, трудно понять, каким образом обобщенная риторика «культурной аутентичности, которая подверглась атаке», может дать отчет о переживаемом этими культурами опыте гибридизации.

Таким образом, вопросы отличия культурного доминирования от экономической власти, условий культурной автономии, взаимоотношений между культурной идентичностью, местоположением и временем, наконец, проблемы возможностей и оправдания культурной регуляции (протекционизма) со стороны государства – все вместе свидетельствуют о необходимости существенных парадигматических изменений в социологическом изучении глобализации современных культур.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Гидденс Э. Социология. М., 1999.
3. Althusser L. Lenin and Philosophy and Other Essays. L.: New Left Books, 1971.

4. Barth F. Political Leadership among the Swat Pathans. L., 1959.

5. Campbell C. The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism. Oxford, 1987; Campbell C. Character and Consumption // Culture and History. 1990. N. 7. P. 37-48.

6. Canclini G.N. Gybrid Cultures. Minneapolis, University of Minneapolis Press, 1995.

7. Corrigan P., Sayer D. The Great Arch. Oxford: Blackwell, 1985.

8. Dorfman A. and Mattelart A. How to Read Donald Duck: imperialist ideology in the Disney comic. N. Y., 1975.

9. Du Gay. Organizing identity: making up people at work // Production of Culture/Cultures of Production / Ed. by P. Du Gay. L.: Sage. The Open Univ., 1997.

10. Friedman J. Cultural Identity and Global Process. L.: Sage, 1994.

11. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity, 1990.

12. Hall S. The work of representation // Representation: cultural representations and signifying practices. L.: Sage/Open University, 1997.
23. Tomlinson J. Cultural Imperialism: a critical introduction. L.: Pinter, 1991.

GLOBALIZATION AND THE PROBLEMS OF REGULATION IN THE CONTEMPORARY CULTURE

R.V. Sundukov

In article the concept of globalization of its interrelation with problems of a cultural politics, with opposite tendencies of a de-regulation and re-regulation of contemporary culture is opened. The theories of cultural regulation based on economic ways of regulation, discursive practices, phenomena of cultural identity and representation are considered. Opposite estimations of processes of re-regulation of a cultural life has entailed by the tension arising between tradition and business. Internal discrepancy of a discourse of globalization is opened from the point of view of the concept of «cultural imperialism», interrelation of discourses of cultural imperialism and globalization. Marking an inefficiency of the project of multiculturalism and prospects of cultural regulation (protectionism) on the part of the states, the author insists on basic value of heterogeneous cultural innovations in development of the future society.

13. Hall S. Signification, representation, ideology: Althusser and the post-structuralist debates // Critical Studies in Mass Communication. 1985. No. 2., P. 90.

14. Lash S., Urry J. Economies of Signs and Space. L., 1994.

15. Media and Cultural Regulation / Ed. by K. Thompson. L.: Sage, 1997. P. 118–153.

16. Negus K. The production of culture // Production of Culture/Cultures of Production/ Ed. by P. du Gay. L.: Sage/ The Open University, 1997.

17. Production of Culture/Cultures of Production /Ed. by P. Du Gay. L.: Sage/Open University, 1997.

18. Robins K. What in the world's going on? // Production of Culture/Cultures of Production/ Ed. by P. du Gay. L.: Sage/ The Open University, 1997.

19. Rojek C. Decentring Leisure: rethinking leisure theory. L.: Sage, 1995.

20. Samuel R. Theatres of Memory. L.: Verso, 1994.

21. Schiller H.I. Transnational media and national development//National Sovereignty and International Communication. Norwood, NJ: Ablex, 1979.

22. Thompson K. Regulation, de-regulation and re-regulation //Media and Cultural Regulation / Ed. by Thompson K. L., 1997.